

НАТАЛИЯ ГРЯКАЛОВА

Филолог

Родилась в 1953 году в Ленинграде. Доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, руководитель Группы по изданию академического Полного собрания сочинений и писем Александра Блока. Область научных интересов — история русской литературы конца XIX — первой четверти XX в., преимущественно модернизма и авангарда, проблемы поэтики, текстологии, архивные разыскания. Автор около 200 статей и публикаций, монографий «Малые жанры в русской прозе XX века. Генезис и типология» (Perugia, 2003); «Человек модерна. Биография — рефлексия — письмо» (СПб., 2008).

К РЕКОНСТРУКЦИИ ОДНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ БИОГРАФИИ

*Поэма Владимира Княжнина
«Похищение (Петербургские октавы)»**

В архиве А. А. Блока в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук сохранился примечательный артефакт: рукопись небольшого объёма в виде сброшюрованных тетрадных листов, на лицевой стороне обложки выведено простым карандашом:

Влад. Княжнин.
Похищение
(Петербургские октавы).

Работа над поэмой, начатая ещё в 1911 г., была окончена, согласно авторской датировке, в воскресный день 28 ноября 1921 г. или, как указывает не принимающий революционных нововведений автор, — 11 декабря (по старому стилю). Весьма вероятно, что именно в тот же день — день рождения Александра Блока, ставший первым памятным днём после кончины поэта, последовавшей 7 августа, она была передана его близким, скорее всего его матери А. А. Кублицкой-Пиоттух, — рукопись поэмы представлена в «семейной части» блоковского архива¹.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-34-11047.

Имя Владимира Николаевича Ивойлова (1883–1941 или 1942), избравшего литературный псевдоним Владимир Княжнин, почти неизвестно широкому кругу читателей. Правда, любители поэзии могли обратить внимание на оригинальные строфы «Стихов о Петрограде» — цикла, неизменно включавшегося в поэтические антологии, посвящённые городу на Неве. Коренной петербуржец, воспевавший красоту старого Петербурга в строках неоклассических стихов и внёсший свою лепту в создание «петербургского текста»; историк литературы, наделённый неподдельной страстью к архивному документу, первооткрыватель творчества Аполлона Григорьева, составитель и редактор объёмного свода биографических материалов об этом «последнем романтике»; добрый приятель Александра Блока и один из первых его биографов; библиофил, собиратель старинных раритетов, энтузиаст развивающейся фотографии... По обстоятельствам ли исторического времени или по авторскому разумению, но готовившийся к выпуску и анонсировавшийся начиная с 1918 г. в издательстве «Алконост» поэтический сборник, предисловие к которому намеревался писать Александр Блок (в записной книжке 19 июля 1918 г. отмечено: «В 7 часов — Княжнин (предисловие к сборнику его стихов)»)², так и не вышел в свет, и до сих пор стихи, этюды, историко-литературные и критические эссе Княжниина, разбросанные по страницам многочисленных периодических изданий начала XX века, не собраны в отдельное издание. Обременённость интеллигентским чувством «высокого долга» и тоской по «большому человеку», темперамент полемиста и спорщика, щепетильность и вместе с тем житейская хитроватость — таким вырисовывается облик этого человек и в его собственных письмах к тем адресатам, с которыми он был в дружески-доверительных отношениях (к Блоку, чете Чулковых, Вс. Мейерхольду), и в мемуарных и эпистолярных свидетельствах современников — Вл. Пяста, Алексея Ремизова, Надежды Павлович...

Основные вехи творческой биографии Княжниина постепенно реконструируются на основе архивных и источниковедческих разысканий³. Наконец, удалось познакомиться с проживающими в Москве потомками В. Н. Княжниина-Ивойлова — внучкой Ольгой Александровной Короткой и Натальей Михайловной Халтуриной, вдовой его внука Владимира Николаевича Халтурина. Они сообщили ряд важных сведений о семье литератора, ознакомили с некоторыми документами и любезно предоставили для публикации единственную сохранившуюся фотографию Княжниина в зрелом возрасте⁴.

Детские годы нашего героя прошли в центре города, на Фонтанке: «Дом сорок третий (детство в нем)...» — топографически точную отметку оставит он позже в стихотворении «Фонтанка». Именно такой адрес

даёт справочник «Весь Петербург» за 1900 год: по нему проживала жена отставного подпоручика Ирина Ивановна Ивойлова с сыном. Это между Аничковым и Чернышёвым мостом (ныне — мост Ломоносова). В 1902 г. В. Н. Ивойлов окончил Шестую Санкт-Петербургскую гимназию, располагавшуюся там же, у Чернышёва моста⁵. Затем — учеба на юридическом факультете университета (1902–1911), с параллельным (с 1907 г.) посещением занятий на историко-филологическом... Достаточно рано проявилась страсть к сочинительству, о чём свидетельствуют сохранившиеся в личном архиве литератора «пробы пера» — опыты в стихах и прозе⁶. «От гимназических ещё дней получил жадное устремление к книге», — отметит Княжнин позже в кратком, написанном по случаю *curriculum vitae*⁷. Первое литературное знакомство — с Георгием Чулковым, секретарем символистского журнала «Новый путь», состоялось в 1904 г. Но целенаправленно в круг писателей-символистов Княжнин входит только в 1909 г., о чём десятилетия спустя вспоминал в письме к Н. Г. Чулковой от 22 марта 1940 г.: «...я познакомился с ним <Г. И. Чулковым> (отчасти и с Вами) летом 1904 года и тогда же он дал мне читать „1-ю симфонию“ А. Белого, с которой и началось мое сближение с символистами. Едучи на „империа-ле“ конки я дочитывал эту книжку, при свете уличных фонарей, от фонаря к фонарю. Прочитал, так сказать, единым духом. Потом я возобновил прервавшиеся сношения в январе 1909 года, когда был у вас дважды или трижды на ул. Глинки, вход с Екатерининского, против Никольского собора⁸. Квартира принадлежала Лансере, Е. Е. Здесь Георгий Иванович писал мне рекомендательные письма Блоку и Вячеславу Ивановичу <Иванову>. Были сильные морозы. Я ужинал с Вами и Георгием Ивановичем, познакомили вы меня и с Лансере»⁹.

В упомянутом письме к Вяч. Иванову от 18 января 1909 г. Чулков так представлял начинающего поэта: «Пожалуйста, обратите внимание на Владимира Николаевича Ивойлова. Он жаждет мэтра. Вас любит и ценит Вас. Его стихи достойны Вашего внимания»¹⁰. Через некоторое время он напомнит о себе письмом, изобилующим цитатами из «новых» поэтов: «голубая тюрьма» отсылает к одной из первых символистских деклараций — статье В. Брюсова «Ключи тайн», где процитирован фетовский троп, а также к статье А. Блока «О лирике»; сравнение Петербурга с «маревом полярным» — к стихотворению Вяч. Иванова «Сибилла», «Epirrhema» взята из его же первого поэтического сборника «Кормчие звёзды»; мотив города-тюрьмы — устойчивый мотив символистской поэзии (ср., например, у Ф. Сологуба: «Узкие мгlistые дали. / Камни везде, и дома. / Как мне уйти от печали? / Город мне — точно тюрьма», 1898), так же как темы севера и духовного одиночества.

10 II 1909 г.

М<илостивый> Г<осударь>
Вячеслав Иванович,

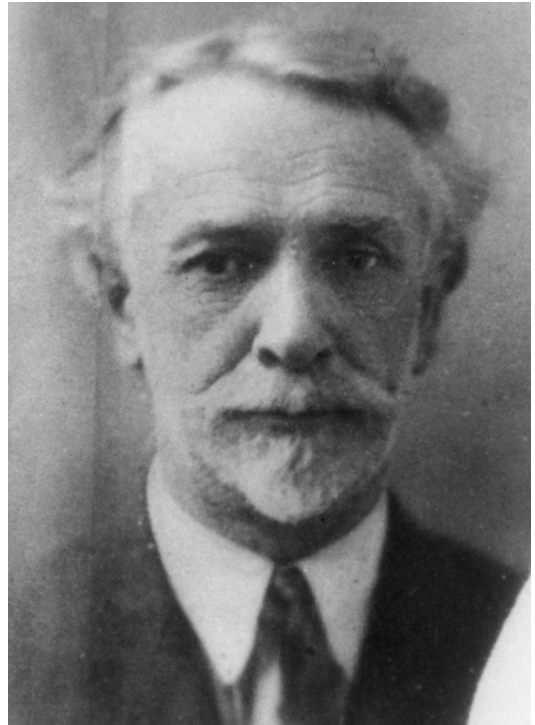
Я тот студент, что был у Вас недели 2 ½ назад с письмом от Георгия Ивановича Чулкова и оставил Вам свои стихи.

Я вернулся из Финляндии и осмеливаюсь напомнить о себе.

Знаю, что, б<ыть> м<ожет>, Вам некогда и Вы, по справедливости, забыли и мои стихи и меня.

Но уж слишком я люблю литературу (пусть одностороннею — не взаимною любовью!), хочу учиться, работать, быть ближе к ней, чтобы останавливаться перед препятствиями.

Трудно жить одному, открывать открытые Америки. Думаю, к одинокому применимы сказанные, правда, по другому поводу, Ваши слова. У одинокого

В. Н. Княжнин (Ивойлов). Фото. 1930-е гг. Частное собрание

«Лишь немногих кликов отзвук, уловлен, поёт в ушах...
Вызвать чары горних звуков ищет он бессильной лирой,
Но небес не воскрешает косных струн неверный звон».

Мистерии поэта. Epirrhema.

Живущему в серых стенах Петербурга, в этом «мареве полярном» хочется живого слова ещё более страстно, чем человеку южных стран. Границы мира здесь тесные и уж не в «голубую тюрьму» бытия заключены мы, а в серую, печальную, в дантовский Inferno.

По правде человеческой — я должен увидеть Вас и услышать суд над собою.

Пусть в последний даже раз; всегда совершается то, чему суждено.
Готов прийти к Вам в любой час и день.

Известите письменно.

Живу я: Пески, Одесская 1. 19. Влад. Ник. Ивойлов.

Уважающий Вас

Влад. Ивойлов¹¹

С этого времени Княжнин — среди постоянных посетителей «башни», активный участник Общества ревнителей художественного слова, а в июле 1909 г. уже сам «мэтр» рекомендует своего «молодого приятеля» в самых похвальных выражениях («человек вполне достойный уважения и сочувствия», «даровитый поэт», «образованный, деятельный и трудолюбивый») С. А. Венгерову, определив тем самым его профессиональную судьбу¹². Теперь он — секретарь историка литературы Е. В. Аничкова, его помощник в работе над архивом Н. А. Добролюбова и изданием собрания его сочинений. Её итог — совместная статья «Дела и дни Н. А. Добролюбова», опубликованная в юбилейном «добролюбовском» номере журнала «Современник» (1911. № 11), и ряд других публикаций, в частности подготовленное начинающим филологом описание данного архива¹³. «...Направление деятельности Княжнина в сторону „текстологии“ определилось с той поры», — замечал впоследствии Вл. Пяст, ближайший приятель из литературного круга¹⁴. В его мемуарах дан выразительный портрет нашего героя: «...глядевший исподлобья, завешенный сбитой и выбившейся копной чёрных волос Вл. Н. Княжнин, — которого я непременно притягивал ко всякому литературному начинанию, предчувствуя безошибочность его вкуса...»¹⁵.

Свою репутацию эрудита, знатока книжных редкостей, любителя литературной стилизации Княжнин смог в полной мере продемонстрировать в одном из таких начинаний — журнале Доктора Дапертутто «Любовь к трём апельсинам» (1914–1916). Эстетическая платформа издания выражала театральные пристрастия Вс. Мейерхольда как режиссера (и издателя), в поисках нового театрального языка обратившегося к итальянской *commedia del'arte*, драматургии Карло Гоцци и переживавшего период увлечения трагическим гротеском Э. Т. А. Гофмана. Избранный псевдоним был демонстративной аллюзией: он отсылал к фантазмагорически-инфернальной новелле немецкого романтика «Приключение в ночь под Новый год», в которой маг и чужодей доктор Дапертутто похищает у добропорядочного бюргера его зеркальное отражение, обрекая тем самым на судьбу вечного изгоя. В журнале был предусмотрен специальный раздел под названием «Hoffmaniana», призванный осветить судьбу творчества немецкого романтика на русской почве. На роль автора и ведущего рубрики как нельзя более кстати подходил Княжнин с его склонностью к источниковедческим штудиям и любовью к историческим казусам. Здесь он опубликовал несколько историко-литературных экскурсов по данной теме (1914. Кн. 1, 2 и 3; 1915. Кн. 4–5–6–7), а также под псевдонимом Зерефер, придуманным Ремизовым, заметку «Бабушка „Вампуки — Невесты Африканской“» (1916. Кн. 2–3). Он же состоял членом редакционной коллегии журнала с момента его основания и до прекращения выпуска в неблагоприятной для

издательского дела обстановке военного времени (в 1916 г. последним вышел двоянный номер 2–3).

На страницах журнала «Любовь к трём апельсинам» увидели свет лучшие образцы поэтического творчества Княжнина — «Стихи о Петербурге. 6-ое января» (1914. Кн. 2) и цикл из пяти стихотворений под названием «Стихи о Петрограде» (1914. Кн. 6–7). Общая для них тема — красота старого Петербурга, не так давно возвращённая в поле актуального восприятия художниками, группировавшимися вокруг журнала «Мир искусства» и называвшими себя «ретроспективными мечтателями». Начало этому настроению и культурному движению положила статья А. Н. Бенуа «Живописный Петербург» с её пафосом «возрождения художественного отношения к заброшенному Петербургу». Она появилась в первом номере журнала «Мир искусства» за 1902 г., вышедшем в преддверии 200-летия Петербурга и ему посвящённом. Богатый иллюстративный материал — фотографии, гравюры А. П. Остроумовой, акварели А. Н. Бенуа, Е. Е. Лансере, О. Э. Бразы — зримо подтверждал мнение об уникальности архитектурных ансамблей города, построенного Петром¹⁶.

В эту линию художественного ретроспективизма органично вписывались литературные ведуты Княжнина (ведута — топографически точное изображение городского пейзажа). Так, например, в четвёртом стихотворении цикла — «Фонтанка» — воссоздана панорама набережной, предстающая взору одинокого мечтателя-фланёра. Он движется вверх по течению реки, от её устья к истоку — от Большого Калинкина моста к Летнему саду, от окраинной Коломны к центру города. В своей ведуте, не противореча её установке, с одной стороны, на «живописание» ландшафта, включая «физиологию» городской жизни, с другой — на лирико-импрессионистическое восприятие городского «пленэра», поэт даёт отчёт о романтической прогулке, в котором читатель найдёт бытовые жанровые зарисовки, упоминания о знаменитых архитектурных памятниках и культурных урочищах — классических и современных (последнее потребовало авторского примечания), где отведено место и автобиографической реплике, речевые гротески («кони „КЛОТА“»), замечания о хроматических качествах воды и расветного неба, звуковые и ольфакторные характеристики описываемого локуса. Коломна (исторический район, расположенный между реками Мойкой, Фонтанкой, Пряжкой и Крюковым каналом) представлена в первой строфе социально-этнической пестротой населения её юго-западной оконечности и современными реалиями её «морской» части, выходящей к Большой Неве (эллинги, «дымком пахнувший пароход»). Вторая строфа, также отмеченная приметами городской цивилизации («последний мчащийся трамвай»), содержит вполне ожидаемую в данном контексте реминисценцию, отсылку к литературному клише — бедному

петербургскому чиновнику, склонному к уединённым мечтательным прогулкам. В этой фигуре, ведущей свою родословную от пушкинского Евгения (поэма «Медный всадник. Петербургская повесть»)¹⁷, персонажей Гоголя и Достоевского, но уже рифмующейся с мандельштамовским Евгением¹⁸, можно не без основания увидеть alter ego субъекта лирического повествования.

Фонтанка

Влекут гранитные изгибы
И живорыбные садки,
Под вечер с барок диатрибы,
Олонецкие мужики,
И миловидная эстляндка,
Калинкин мост, простой народ,
И эллинги (бьет третья склянка),
Дымком пахнувший пароход;

И мирно спящая Коломна,
В полу-холодный, светлый май,
И переулочек полу-темный,
Последний мчащийся трамвай,
И одинокий друг-прохожий,
Чиновник — старый холостяк
В мечтах (на набережной тоже)
О жизни прожитой кой-как;

Старинный дом, где жил Державин,
И синий Троицкий собор,
Огонь, яснеющий сквозь ставен,
Сквозь сень зеленоватых штор;
Заснувший рынок и больница,
И в переулке — Бурков дом*,
И — жизни прошлая страница —
Дом сорок третий (детство в нём);

Аничков мост, где кони «КЛОТА»,
Реки весёлый поворот,
Вон дева, ждущая кого-то,
И дворник спящий у ворот.
Стук дрожек... окрик... цирк пузатый,
И замок Павловых времён;

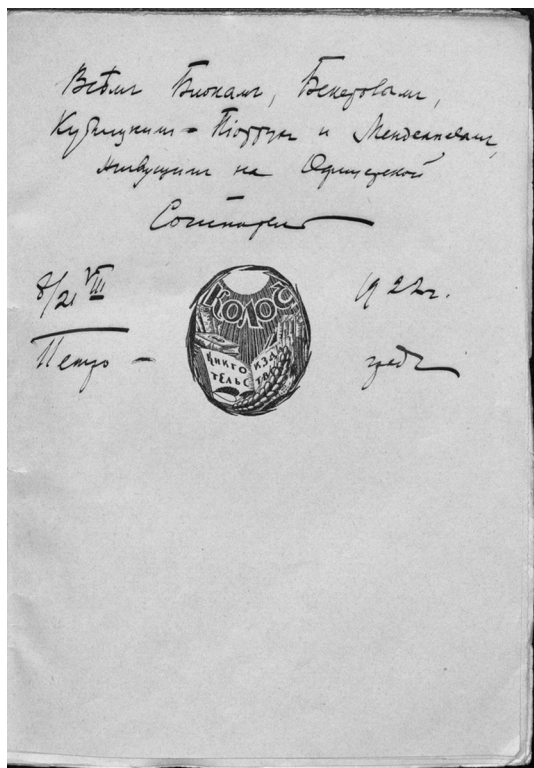
* См. повесть А. М. Ремизова «Крестовые сестры» (прим. В. Н. Княжнина. — Н. Г.).

Покой реки зеленоватый,
Вновь сумрак, тишь садов, и сон...

Грустя, бреду, один, влюблённый,
Как ночь-врага легко тесня,
Домов старинные колонны
Внезапно вспыхнут от огня.
Цвет золотистый, цвет шафранный,
Мечту ты гонишь от меня!
И милый сон реки Фонтанной
Прости! Потонет в громе дня.

Литературный архетип образа обедневшего дворянина, самостоятельно зарабатывающего на жизнь обитателя демократических кварталов столицы, постепенно утрачивающего сословную идентичность, был символически востребован поколением интеллигентов рубежа XIX–XX веков, выходцев из бедных дворянских семей, с юности вынужденных добывать средства к существованию. К этому социальному слою, характерному для стремительно модернизирующегося общества, принадлежал и Княжнин. Сын дворянина, подпоручика, он воспитывался матерью, зарабатывавшей на жизнь шитьем. Учёбу в университете вынужден был совмещать со службой в разного рода учреждениях, связанных с комплектацией библиотек, составлением каталогов, был библиотекарем, младшим служащим в книгоиздательстве «Школьное и библиотечное дело», подрабатывал публикацией статей и рецензий¹⁹. И впоследствии на него легли заботы о большой семье, груз материальных проблем, жизненные неурядицы. Его *idée fixe* была мечта о получении некоторого стабильного финансового обеспечения для себя и семьи, чтобы можно было на относительно продолжительное время заняться осуществлением ряда историко-литературных и творческих замыслов. «По социальному положению — вечный пролетарий»²⁰, — так определил он свою социально-культурную идентичность в 1920 г. Обращаясь по старой дружбе к Мейерхольду в письме от 21/8 сентября 1920 г., он умоляет о содействии в устройстве своих профессиональных дел — в переводе на «работу научного характера», подчёркивая при этом: «Нуждался же я всегда больше всех <...> — весь свой век коротал „пролетарием“, а теперь архи-пролетарий»²¹.

Еще один важнейший параметр социально-культурной идентичности для Княжнина — статус коренного петербуржца. По его мнению, это залог глубинного понимания «души города» и адекватного прочтения символичной для каждого петербуржца поэмы Пушкина «Медный всадник». Откликаясь на вышедшее в 1922 г. её отдельное издание с иллюстрациями А. Н. Бенуа, Княжнин устранился от критического

Авторский инскрипт на книге: В. Н. Княжнин. Александр Александрович Блок. Пб.: Колос, 1922. Библиотека ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

анализа артефакта, ограничиваясь лишь поверхностными замечаниями. Это отнюдь не рецензия, а лирическое эссе — признание в любви к родному городу с характерными для Княжнина нотами недоверия к «чужим». В постижении «души Петербурга» знанию приезжих пушкинистов он противопоставляет собственное переживание, приходящее ему по праву кровного родства с городом.

«Я не пушкинист и учёного о Пушкине ничего не берусь сказать. Но, смею думать, люблю „Медного Всадника“ не менее, чем почтенное сословие пушкинистов. Доброго им здоровья и в трудах благого поспешенья! Однако, большая часть из них прибыла в С<анкт>-П<етер>б<ург> из Полтавы, Одессы, Воронежа и т. д. и т. д. Я же, чувствую это, связан с „Медным Всадником“ и кровно, и душевно, так как кровно и душевно связан с С.-Петербургом, ибо коренной Питерский человек, до 21 года не знавший

иной обстановки, иного окружения, кроме этого города и его окрестностей. А Россия — всё-таки совсем иное. Я знаю этот город и помню его ещё с тех пор, когда имел честь состоять в числе петербургских ушкунников — в уличных мальчишках. Наводнения, январские и майские парады, рождественский и вербный торг в Гостином, балаганы, похороны, свадьбы, катки, игры в скверах, воинственные набеги на соседние дворы, драки, уличные происшествия, ловля плывущих по Фонтанке дров „пикалкой“ (короткое полено на верёвке со всажённым острым гвоздём), акафисты в Троицком подворье, осенняя заготовка капусты в сараях и варка варенья, архитектура России на Театральной улице и Невский, и зеленовато-алые вечера и рассветы, и ветер с моря, и долгие прогулки позже с фотографическим аппаратом, альбомом и записными книжками, в те времена, когда существовал только Пыляев

и едва начинался „Мир Искусства“, не ведомый ещё совершенно, — какая бесконечная во всём этом прелесть! И, перебирая весь этот опыт, разве нельзя сказать, что он развивает такое чутьё к городу, какого одни изучения, от ума, не дают и не дадут?»²².

Восстановим прерванную хронологию. С осени 1912 г. Княжнин — частый гость в семье Александра Блока, переехавшего 24 июля 1912 г. в дом № 53 по Офицерской ул. (ныне — ул. Декабристов). Это последний адрес поэта и, пожалуй, самое знаменитое место литературной Коломны.

Поистине звездным часом для Княжнина как историка литературы стали годы, проведённые «под знаком» Аполлона Григорьева. Он поглощён архивной работой: собирает материалы к биографии поэта, готовит их отдельное издание. В это же время и Блок, получив предложение от издательства К. Ф. Некрасова, занят подготовкой полного собрания его стихотворений. Оба переживают увлечённость личностью и творчеством поэта, ставшего для них обоих символом «органической культуры», «почвы», актуальность наследия которого ощущалась ими на волне растущей неприязни к идеологии либеральной интеллигенции. Найденная Княжниним ёмкая формула «наш современник» (его статья «О нашем современнике — Аполлоне Александровиче Григорьеве» была опубликована в журнале «Любовь к трём апельсинам» в 1914 г.) подхватывается Блоком. На вышедшем в конце 1915 г. собрании стихотворений Григорьева он напишет: «Владимиру Княжнину в год страдный и памятный, на память о том, как мы вместе учились любить А. А. Григорьева, „нашего современника“». Александр Блок. Рождество 1915 года»²³. Ровно через два года Княжнин в дарственной надписи на книге «Аполлон Александрович Григорьев: Материалы для биографии» вновь напомним о прошлом: «Александру Александровичу Блоку по общей и былой (былой ли только?!) любви к Григорьеву — редактор. 19. XII. 1917 г. Петроград»²⁴. А редакторское предисловие закончит словами признательности: «С поэтом А. А. Блоком „в год страдный и памятный“ мы вместе учились любить А. А. Григорьева, „нашего современника“, и ему, А. А. Блоку, и матери его — А. А. Кублицкой-Пиоттух моё последнее слово любви, памяти и благодарности»²⁵.

Публикацию свода документальных материалов об Аполлоне Григорьеве Княжнин предварил формулировкой своего научного credo — принципов историко-литературного исследования, основанного на архивных и источниковедческих разысканиях. «Всякая научно-поставленная историко-литературная работа естественно распадается: 1) на собрание, в наивозможной для данного исторического момента полноте, самых разнообразных сведений о писателе, 2) на научную разработку собранного. Всё равно, идёт ли речь о жизнеописании, или об изучении творчества. Разница будет только та, что вопросы биографические должны

быть решены прежде обозрения деятельности творческой, самым тесным образом связанной с житейскою судьбою и объяснимой лишь при условии строго-фактического установления этих житейских отношений. Так обстоит дело с прошлым, ибо сколько-нибудь всесторонняя оценка применима к деятельности человека, который, так или иначе, но закончил своё писательское или земное поприще»²⁶. В скором времени ему будет суждено применить свои филологические принципы и профессиональные навыки при написании биографии Блока.

В августе 1922 года под маркой кооперативного издательства «Колос» в серии «Биографическая библиотека» вышел в свет очерк Княжниной «Александр Александрович Блок» — первая биография поэта, написанная историком литературы, с опорой на имевшиеся к тому времени документальные материалы и свидетельства. В приложении впервые представлена составленная автором очерка генеалогическая таблица — «Идиологическое дерево А. А. Блока». Издание было приурочено к годовщине смерти поэта. 8 /21 августа датирована дарственная надпись на авантитуле книги:

Всем Блокам, Бекетовым,
Кублицким-Пиоттух и Менделеевым,
живущим на Офицерской
Сочинитель
8/21 VIII 1922
Петро- град²⁷

Инскрипт, обыгрывающий семейное родословие, обращён к ближайшим членам семьи поэта, проживавшим в то время по данному адресу. Их трое: вдова поэта Л. Д. Блок (урожд. Менделеева), мать — А. А. Кублицкая-Пиоттух (урожд. Бекетова, в первом браке Блок)²⁸ и тётка М. А. Бекетова.

С коломенским топосом связана и публикуемая ниже поэма. Для Княжниной данная топографическая привязка была не случайной и функционировала уже как мемориальная аллюзия — обращение к местам культурной и личной памяти. «Петербургские октавы» переносят читателя в Коломну начала XIX века, в окраинный дом на реке Пряжке, где живёт семья отставного бригадира, героя русско-турецкой войны. Глава семейства имеет дочь Зою, девицу на выданье. Смольнянка, поклонница «Новой Элоизы» Руссо, она не вписывается в размеренный быт мещанской окраины столицы и является возмутителем семейного спокойствия. Основную интригу составляет эротическое приключение Зои: встреча с байроническим героем — шведским морским офицером, мезальянс с престарелым адмиралом и, наконец, — побег из дома «навстречу чудесам морским заката»...

Поэма Княжниной — запоздалая литературная реплика на «ироико-комическую» поэму Пушкина «Домик в Коломне» (1830), написанную, как

известно, октавами. Октава — особый вид строфы, состоящей из восьми строк, с чередованием мужских и женских рифм по определённой схеме, при этом первые три нечётные строки рифмуются между собой точно так же, как и первые три чётные, а последние две дают парную рифму. Характерная особенность данной строфической формы — соблюдение правила альтернанса, то есть смены мужских и женских рифм на границе строф. За почти двухвековую литературную историю октава приобрела особый семантический ореол. Байрон («Беппо», «Дон-Жуан») и вслед за ним Пушкин («Домик в Коломне») создали бурлескные пародии на жанр эпической поэмы, одной из примет которой являлась форма октавы. «Оба автора „выворачивают наизнанку“ условную поэтическую мифологию, погружают её в быт, соединяя канонизированные поэтизмы с „прозаической“ лексикой и фразеологией»²⁹. На уровне сюжета пародируется традиционная эпическая тематика (война, героизм, приключения, любовь), которая трансформируется в бурлескные мотивы нарушения обыденного порядка: адюльтера, переодевания, побега или похищения. На уровне лексики поэтизмы и славянизмы вытесняются просторечием, а определённый ритмико-интонационный строй поддерживает иллюзию непринуждённого разговора. Для «высоких» образцов жанра характерна такая черта, как металитературность — рассуждения на темы верификации, намёки на литературную полемику, автопародия. Заключительная октава содержит финальное «нравоученье», сохраняющее общую для данного типа повествования ироническую двойственность, направленную в том числе и на самого автора.

В поэме Княжнина металитературный план практически отсутствует, однако тот факт, что версификационный эксперимент был всё же завершён — поэма в тридцати октавах написана, — свидетельствует об овладении автором сложнейшей строфической формой. Завершающая октава содержит *locus communis* жанра — фигуру авторского самоуменьшения. Однако сам автор прекрасно осознавал свою поэтическую победу. И поэтому финальные строки выдержаны в мажорной тональности, хотя риторическое вопрошание подразумевало недавние утраты, и прежде всего — смерть Александра Блока.

Остановись перо, вздохни минутку:
Октавы кончены чрез десять лет!
К кому идти читать по первопутку,
Когда «одни далече, тех уж нет»?
Кому нужны вы, писанные в шутку,
Когда Григорьев, Пушкин есть и Фет?
Когда на Жизнь не смотришь с небреженьем
И слово Ей звучит благословеньем!

Полный текст поэмы Вл. Княжнина «Похищение (Петербургские октавы)» публикуется впервые по рукописи, хранящейся в архиве А. А. Блока в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Ф. 654. Оп. 3. Ед. хр. 79)³⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом). Ф. 654. Оп. 3. Ед. хр. 79.

² Блок А. Записные книжки. М., 1965. С. 417.

³ См.: Лавров А. В. Княжнин Владимир Николаевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 569–570. См. также: *Пяст Вл. Встречи* / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Р. Тименчика. М., 1997 (по указ.); из работ последних лет: *Суздальцева Т. Н.*: 1) Книги из собрания В. Н. Княжнина-Ивойлова в Российской национальной библиотеке // Книжная культура Петербурга: сб. науч. тр.: по материалам 13-х Смирдинских чтений. СПб., 2004. С. 254–264; 2) В. Н. Княжнин-Ивойлов и театр: по материалам личного книжного собрания // Библиофилы России. Альманах. Т. II. М., 2005. С. 73–92; *Грыкалова Н. Ю.*: 1) В. Н. Княжнин (Ивойлов) — историограф символистского движения (по архивным материалам) // «Башня» Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб., 2006. С. 335–344; 2) Коломенские эпизоды в литературной биографии В. Н. Княжнина // Коломенские чтения. 2011. Сб. статей / Под ред. В. В. Антонова. СПб., 2012. С. 108–128; 3) Знание и переживание: петербургская тема в творчестве Владимира Княжнина (Ивойлова) // Н. П. Анциферов. Филология прошлого и будущего. По материалам международной научной конференции «Первые московские Анциферовские чтения» (25–27 сентября 2012 г.). М., 2012. С. 133–142.

⁴ См.: *Грыкалова Н. Ю., Иванова Е. В.* Записные книжки Александра Блока без купюр // Наше наследие. 2013. № 105. С. 100 (там же опубликована и фотография Елизаветы Ильиничны Ивойловой, супруги литератора).

⁵ См.: Список лиц, окончивших курс Санкт-Петербургской Шестой гимназии (1867–1911 гг.) // Историческая записка, изданная ко дню 50-летия Санкт-Петербургской Шестой гимназии. 1867 17/IV 1912 / Сост. преподаватели: К. Ф. Буткевич и Л. П. Николаев. СПб., 1912. С. 85. В том же году окончил гимназию с золотой медалью С. Городецкий. См. также юбилейный сборник: Шестой гимназии — ее ученики. 17 апреля 1862 — 17 апреля 1912 г. Стихотворения В. Бестужева, Вас. Гиппиуса, Серг. Городецкого, Ал. Добролюбова, М. Долинова, Вл. Княжнина, Е. Овсянникова, проф. Д. К. Петрова, Ал. Попова и Вл. Чернявского. СПб., 1912. О духе гимназии и высоком уровне преподавания в ней дают представление воспоминания её выпускника композитора Н. Н. Черепнина «Шестая петербургская гимназия моего времени (1883–1891)» (см.: *Черепнин Н.* Воспоминания музыканта. Л., 1976. С. 104–109).

⁶ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ). Ф. 353. Ед. хр. 1–8.

⁷ «Воспоминания об Ал. Блоке» Н. А. Павлович // Блоковский сборник. [Вып. 1]. Тарту, 1964. С. 471. Ср. замечание мемуариста: «Княжнин любил и занимался „книгой“ с отрочества, с детства любил и понимал вообще красоту» (*Пяст Вл. Встречи*. С. 127).

⁸ Речь идёт о знаменитом «доме Бенуа» (ул. Глинки (б. Никольская), д. 15), принадлежавшем семье Бенуа — Кавос — Лансере и ставшем для Княжнина отправным пунктом в траектории его литературного пути.

⁹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 461.

¹⁰ Цит. по: *Пяст Вл.* Встречи. С. 329 (примеч.).

¹¹ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ). Ф. 109. Карт. 26. Ед. хр. 27.

¹² Переписка Вяч. Иванова с С. А. Венгеровым / Публ. О. А. Кузнецовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 94.

¹³ Архив Н. А. Добролюбова. Описание бумаг Добролюбова, принадлежащих Пушкинскому Дому при Императорской Академии Наук / Сост. Влад. Княжнин // Временник Пушкинского Дома. 1913. Вып. 1. [1914]. С. 1–77 (паг. 2-я).

¹⁴ *Пяст Вл.* Встречи. С. 127.

¹⁵ *Пяст Вл.* Встречи. С. 136.

¹⁶ Подробнее см.: *Освоат А. Л., Тименчик Р. Д.* «Печальну повесть сохранить...». М., 1985, а также: *Берар Ева.* Из Парижа в живописный Петербург: мирискусники и городская культура // Звезда. 2005. № 6.

¹⁷ Ср.: «...Наш герой / Живёт в Коломне; где-то служит, / Дичится знатных и не тужит / Ни о почившей родне, / Ни о забытой старине».

¹⁸ Ср.: «Летит в туман моторов вереница. / Самолюбивый, скромный пешеход, / Чудак Евгений бедности стыдится, / Бензин вдыхает и судьбу клянет!» («Петербургские строфы», 1913).

¹⁹ Эти сведения Княжнин приводит в анкете, сохранившейся в записной книжке Н. Павлович 1920 г. См.: «Воспоминания об Ал. Блоке» Н. А. Павлович. С. 471–472.

²⁰ Там же. С. 472.

²¹ РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 1723. Л. 10 об.

²² Жизнь искусства. 1923. № 19. 15 мая. С. 20.

²³ Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. М., 1982. С. 85. На подготовленное Блоком издание Княжнин откликнулся рецензией (Русская мысль. 1916. № 5. С. 17–23 (паг. 2-я)).

²⁴ Аполлон Александрович Григорьев: материалы для биографии / Под ред. Влад. Княжнина. Изд. Пушкинского Дома при Академии наук. Пг., 1917 (библиотека ИРЛИ, шифр 94 5/97).

²⁵ Аполлон Александрович Григорьев: материалы для биографии. С. IX.

²⁶ Там же. С. V.

²⁷ Библиотека А. А. Блока в ИРЛИ, шифр 94 13/24. Воспроизведена: Наше наследие. 2013. № 105. С. 100.

²⁸ Отчим Блока Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттук скончался в начале 1920 г.

²⁹ *Шапир М. И.* Семантические лейтмотивы ирон-комической октавы (Байрон — Пушкин — Тимур Кибиров) // Philologica. 2003/ 2005. Т. 8. № 19/20 (цит. по электрон. ресурсу: http://www.rvb.ru/philologica/08rus_shapir.htm).

³⁰ 1-я, 2-я и 5-я октавы (с разночтениями) были вписаны Княжниным в альбом С. М. Алянского 21 октября 1920 г. Оpubл.: Альбомы из архива С. М. Алянского // Шахматовский вестник. 1996. № 6. С. 59–60.